Москва
„Школа драматического искусства"

Сов. культура. -1988. - 22 дек. - с. 4.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОТ ПРОТИВНОГО

На пригласительном билете агрессивно-желтого цвета — непривычно русскими буквами: «ШКОЛА ЭРОТИКИ». Это что, всерьез? Это где, у нас? Ну, ребята, приехали...

«Прикосновение нервного меха — Театр-Театр

Андрогин (т. е. существо обоего пола.— А. С.) — Евгений Чорба

Женщина-торт — Мария Персик

Группа «Обер-манекен» играет музыку в стиле «Новая эротика» — и еще какие-то слова насчет оргий и ресторанов...

Наши предприятия общепита трудно совместить со словом «оргия» даже в гастрономическом смысле — но понять, почему все обозначенное происходит в «Школе драматического искусства», осененной звучащим сегодня на всех языках мира именем Анатолия Васильева, пожалуй, еще труднее...

Слухи о двух вечерах эротического искусства на улице Воровского ширятся и обрастают подробностями, постепенно теряя даже относительное сходство с предметом. По телевидению, оправившемуся от шока, промелькнуло несколько маловразумительных кадров, подливших масла в огонь, но по существу ничего не объяснивших. Сопутствующие комментарии о необходимости полового просвещения звучали не только казенно, но и весьма растерянно — дескать, объяснять людям, как они появляются на свет, надо, но...

...Но, во-первых, лектор в галстуке как-то привычнее, чем томный, тонколицый юноша в белом атласе — существо, изысканное до слащавости, воркующее и стонущее под гитару: «Девочка-подросток с запахом al-пельсинов...»

...Но — во-вторых и в-главных — оправдывать существование эротического искусства нуждами сангигиенической пропаганды попросту неумно. Это все равно, что спрашивать, к примеру, какой вклад внесли рассказы И. Бунина и романы Ф. Абрамова в развитие сельского хозяйства.

Примем как данность: просветительских целей у этих вечеров — даром что «школа» — не было. Там вообще много чего не было.

Не было «вызова обществу». Атмосфера скандальной сенсации, несомненно, окутывавшая все мероприятие, была привнесена извне — судорожной, неврастенической радостью сбора запретных плодов. А так — представление, как представление, выставка картин, как выставка картин. Не предупреди нас заранее, что это какое-то особое «эротическое искусство» — насчет доброй половины экспонатов мы бы, наверное, и не догадались. Те, кто прорвался на вечер скандала ради, уходили разочарованными.

Еще более обидно было тем, кто пришел, по-старинному выражаясь, «поинтересоваться насчет клубнички». Просто потерянный вечер: сидели бы дома, смотрели бы видео...

Нет, нет, была, конечно, минута, когда в интимном полумраке под звуки саксофона несколько человек волхвовали вокруг обнаженного тела М. Персик, покрывая его разноцветными кондитерскими кремами, сахарными розочками и цукатами (сказка «Три толстяка», история продавца воздушных шаров: вариант для взрослых). Волнующая, незабываемая минута — и «женщина-торт», безусловно, была достойна своей фамилии. Но — какая трагедия! — теле- и фотокорреспонденты окружили ее таким плотным кольцом, что снаружи были видны разве лишь засахаренные коленки. «Уберите фотографов!», «Посадите фотографов!» И — возглас отчаяния: «Хотя бы раздевьте фотографов!..» Единственный поклон в сторону «традиционной», бесхитростно-чувственной эротики приобрел весьма иронический оттенок. Можно думать, что участники зрелища предполагали это заранее.

Пожалуй, доминирующей нотой в «вечерах эротики» была нота печали и распада: иногда прячущаяся за ерничеством или пародийно-преувеличенным декадентством, иногда звучащая всерьез и открыто. Искусство, исследующее и испытывающее область интимного, как и любое другое, стоит чего-нибудь лишь тогда, когда сквозь изображение предмета просвечивает отношение к миру, когда изображаемое не замыкает на себе взгляд художника, но лишь придает ему целенаправленность и особый угол зрения.

Эротическому искусству — в полном смысле этого слова — столько же веков, сколько искусству вообще: смешно было бы предполагать, что XX век впервые обратил внимание на «проблему пола». Иной вопрос — что нового внес он в понимание проблемы, к каким глубинам спускался и на какие плоскости выводил, с какой настойчивостью угадывал в тайнах эроса ключ ко всем тайнам бытия и с какой цинической откровенностью разменивал эти тайны на все более и более будоражащие чувственность развлечения. То, что в нашем собственном искусстве, мягко говоря, не полагалось с особой пристальностью вглядываться в отношения мужчины и женщины (не говоря уж обо всем прочем), отнюдь не помогало сохранить душевную целомудренность. И не подобная ли обстановка породила поколения читателей, подозревающих, что «Декамерон» — порнографическая книга?

Вечера на улице Воровского представили нам эротическое искусство периода краха «сексуальной революции», краха безнадежного и трагического. В этом была их особенность. В этом была их суть.

Увы, мечта о «свободной любви» как панацее от всех мировых бед, от общественной лжи и страха перед тоталитаризмом, оказалась очередной иллюзией. Более того, в массовом воплощении мечта эта стала выглядеть отвратительно некрасивой и отупляющей. Ничто не стоит так далеко от любви, как похоть, ничто так не окорбляет свободу, как разгул.

Светлый подвал «Школы драматического искусства» оказался тем пространством, на котором люди, с большей или меньшей серьезностью отстаивавшие право искусства обращаться к любой теме, составляли мозаику из осколков иллюзии. Что в руках остались лишь осколки — это они знали, и потому в затейливых играх были и трогательность, и внутренний драматизм. Потому самые апатирующие выходки не оскорбляли ни глаза, ни слуха: в них угадывался жест отчаяния. Даже сознательное приведение своей работы, своей судьбы к нарочитой пошлости — это именно жест отчаяния, причем один из самых выразительных.

Не хотелось бы переоценивать качества работ (прежде всего выставленных картин): среди них было немало слабого, серого, провинциального. Может быть, даже больше, чем несомненно талантливого. Это одна из наиболее драматичных черт «неофициального» искусства: люди, сплоченные общей судьбой, выдерживавшие одни и те же атаки, загнанные в одни и те же подполья,— вряд ли мы имеем право судить их за то, что они не желают на наших глазах демонстративно отмежевываться друг от друга. Им слишком долго жилось слишком тяжко — всем вместе — и потому выход в «зону свободы» по необходимости становится коллективным шагом. Расслоение непременно произойдет потом естественным порядком: пока что они чувствуют моральную обязанность оставаться заодно.

Может быть, именно из уважения к их вынужденному единству и я не решусь пока разбирать и оценивать учебные пособия «Школы эротики». Позволю себе лишь одну достаточно общую оценку.

Вечера на улице Воровского по-своему отразили современное состояние мира: изломанного, чреватого катастрофами, отталкивающего и нередко выталкивающего из себя искреннего художника. Но, кроме искренности отражения, есть искренность противостояния. Рискну сказать, что сегодня претерпевать распад, в том числе и в сфере «эротики», легче и неинтереснее, чем тяготеть к собранности. К нормальности. К прописной истине. Бывают периоды, когда диктат «нормальности» становится пугающе агрессивным, оборачивается всеобщей усредненностью, по сегодняшнему дню, кажется, грозит совсем не это...

«Школа эротики» замечательно доказала: такие простые, нередко подозреваемые на мещанскую заскорузлость вещи, как естественная любовь к детям, супружеская верность, хорошая семейная жизнь, требуют по нынешним временам не одной цельности характера, но и бодрости духа. (Разговор идет в подозрительной близости к казенным штампам: «здоровый быт», «ячейка общества», но что же мы наделали, читатель, если нельзя произнести «здоровая семья», не вспомнив тут же непристойную слащавость плакатов «на моральную тему» и скукоту жэковских собраний). Хорошие вещи не делаются хуже оттого, что их названиями жонглируют присяжные словоблуды. И право, та же «здоровая семья» ныне — не столько пропагандируемая по инерции социальная норма, сколько нечто большее: акт мужества. И, может быть, подлинное произведение искусства.

А. СОКОЛЯНСКИЙ.